

Др. Кристиан Штрайт.

Они не товарищи. Вермахт и советские военнопленные.

(Публикуется в сокращенном виде, без сносок и примечаний)

26 августа 1941 года граф Хельмут Джеймс фон Мольтке писал своей жене: «Новости с Востока снова ужасающи. У нас, судя по всему, крайне высокие потери. Это можно было бы перенести, если на наших плечах не лежали бы горы трупов». Мольтке, одна из наиболее ярких личностей в германском Сопротивлении, был хорошо информирован благодаря своим связям в Главном командовании вермахта. В своем письме он имел в виду не потери вермахта и не даже более высокие потери Красной Армии. Мольтке говорил о тысячах евреев, военнопленных и гражданских лиц, которые стали жертвой германской политики уничтожения уже в первые недели войны на Востоке. В отличие от большинства своих соотечественников того времени он прекрасно понимал, какие ужасные преступления происходят на этой войне и насколько вовлечена в них немецкая армия.

Советским военнопленным и евреям выпала наиболее тяжелая судьба среди всех групп пострадавших в ходе Второй мировой войны. В период между 22 июня 1941 года и окончанием войны в немецкий плен попало около 5,7 миллиона красноармейцев. В январе 1945 года в германских лагерях находилось 930.000 военнослужащих Советской Армии. Максимум один миллион человек был освобожден, большинство из них – так называемые «добровольцы» («хиви», «Hilfswillige»), которые зачастую служили в вермахте по принуждению. 500.000 человек, по оценкам ОКХ (Главного командования Сухопутных сил), совершили побег или были освобождены. 3.300.000 человек или 57,5 % от общего числа советских военнопленных погибли. Чтобы еще более четко понять чудовищность этой цифры, следует упомянуть, что из 232.000 британских и американских солдат в немецком плену погибло 8.348 человек или 3,5 % от их общего числа. Осенью 1941 года такое же число советских пленных умирало в течение одного-единственного дня.

Уже в августе 1941 года в лагерях начались эпидемии дизентерии и тифа. Скоро они достигли и территории «Рейха». К 20 октября 1941 года в лагерях оккупированной Польши количество жертв достигло 54.000 человек. Только в последующие 10 дней было зарегистрировано еще 45.690 смертельных случаев, 4.600 смертей в день. В ноябре процент смертности достиг 38%, в декабре 46%. Из 361.000 советских военнопленных, находившихся осенью 1941 года в «Генерал-губернаторстве» (части оккупированной Польши) до апреля 1942 года умерло более 85%. В лагерях на других территориях германской оккупации смертность советских пленных была приблизительно на таком же уровне. В сумме, до февраля 1942 года из 3.500.000 миллионов пленных 1941 года погибло 2.000.000 человек.

Германские военнопленные аргументировали на Нюрнбергском трибунале столь массовую смертность «непреодолимыми обстоятельствами». Говорилось о том, что военные и ожидали такого значительного количества военнопленных и соответственно не могли организовать их снабжение продовольствием. Это утверждение неверно. Сама подготовка и структура кампании предусматривало даже более значительное число пленных. Снабжение продовольствием советских пленных было невозможно а-приори. Не большое количество пленных являлось причиной их массовой гибели, а цели войны на Востоке.

Продовольственные резервы СССР являлись, в целом, одной из самых важных целей войны. Гитлер и его генералы видели в голоде во время Первой мировой войны основную причину военного поражения Германии. Циничное ограбление продовольственных ресурсов Востока должно было обеспечить питание немецкого населения на уровне мирного времени и тем

самым гарантировать достаточную мотивацию для ведения войны. Специалистам ОКВ (Главного командования вермахта) и профильных министерств уже в мае 1941 года было понятно, что последствием этой акции будет «несомненная голодная смерть «X» миллионов людей». Это цитата из докладной записки. И в армейских структурах существовала консолидированная позиция о том, что советские военнопленные будут получать только «крайнее необходимое снабжение». В данном случае идеологически желательные цели совпадали с военными: Планирование «Операции Барбаросса» предусматривало использование всех наличных сил и транспорта для военных действий. Судьба пленных не играла никакой роли. Не планировалось ни снабжение продовольствием, ни структуры в персональном и материальном качестве, чтобы обеспечить существование ожидаемых миллионов пленных. Военнопленные с самого начала были обречены на голод. Например, в 1941 году военнопленный в ходе зачастую многодневных пеших маршей на Запад получал ежедневно «20 грамм крупы и 100 грамм хлеба без мяса» либо «две картофелины».

Признаки надвигающийся катастрофы были наглядно заметны уже в сентябре 1941 года. Документально подтверждено, что уже тогда в целом ряде лагерей пленные вынуждены были от голода есть траву, листву или кору деревьев. 19 октября 1941 года офицер штаба Военного командования «Генерал-губернаторства» отметил: «ОКВ поставлено в известность о том, что массовая гибель советских военнопленных происходит безостановочно, так как силы пленных находятся на исходе». Генерал Эдуард Вагнер, генералквартирмейстер Сухопутных сил Германии, приказал через два дня после этой записки значительно снизить рационы питания для пленных в оперативном районе действия вермахта. Главным образом это касалось тех, кто был слишком слаб, чтобы работать. Командование Сухопутных сил совершенно сознательно воспринимала массовую смертность советских военнопленных как свершившийся факт. Когда в ноябре 1941 года начальники штабов армий, сражавшихся на Восточном фронте, обратились к Вагнеру с информацией о том, что армиям нужны советские военнопленные в качестве рабочей силы, генералквартирмейстер коротко прокомментировал: «Неработающие военнопленные умирают от голода. Работающие военнопленные в отдельных случаях могут получить продовольственное снабжение из тех ресурсов, который имеется в войсках».

К этому моменту смертность уже достигла размеров эпидемии. Начавшаяся зима, против которой у пленных практически не было никакой защиты, стремительно сокращала их число. И в этом случае сознательно инвестировался только минимум ресурсов. Коменданты получали для устройства своих лагерей только колючую проволоку, котлы для варки пищи, гашеную известь и примитивные инструменты. Этими инструментами военнопленные должны были самостоятельно построить для себя убежища. На территории «Рейха» условия жизни были ненамного лучше, чем на Востоке. В «лагерях для русских», таких как Штукенброк или Берген-Бельзен, часть военнопленных вынуждена была существовать до весны 1942 года в самостоятельно вырытых земляных норах. В архивах нет никаких свидетельств усилий соответствующих структур вермахта, руководителей среднего и высшего звена, направленных на изменение этой политики. Чем закончится такая политика, было понятно даже человеку с очень бедной фантазией.

Десятки тысяч советских военнопленных погибло по пути от места пленения к лагерю. Большинству пленных 1941 года пришлось неделями идти в западном направлении, проходить сотни километров. Группы пленных охранялись немецкими солдатами, которые прибегали к страшнейшим формам насилия, чтобы заставить голодных пленных достигнуть очередное место привала. Тысячи обессиленных военнопленных были «без лишних разговоров» расстреляны, в том числе даже в черте крупных городов, таких как Смоленск или Минск. Отдельные командующие осуждали действия своих подчиненных в гневных приказах, но на деле никто не желал бороться с причинами этих событий. Другие командующие были иного мнения. В 6-ой армии фельдмаршала фон Рейхенау существовал приказ: «Все военнопленные, тормозящие продвижение колонны, должны быть

расстреляны».

Для транспортировки военнопленных по железной дороге командование ОКХ разрешило использование открытых товарных вагонов. С началом зимы этот приказ стал причиной значительного количества жертв. В зоне действия группы армий «Центр» применение закрытых вагонов было разрешено только 22 ноября 1941 года. К этому моменту уже более трех недель наблюдались сильные морозы. Непосредственной причиной изменения явился тот факт, что при транспортировке 5.000 советских военнопленных на относительно короткое расстояние 1.000 человек умерло от холода. Согласно сообщению Рейхскомиссариата «Остланд», в ходе передвижения по железной дороге умирало «от 25% до 70% пленных».

В период с октября 1941 по март 1942 годы в зоне немецкой оккупации ежедневно умирали тысячи советских военнопленных. Приходится сомневаться в том, что смертность достигло бы таких размеров, если бы солдатам вермахта их собственное командование не дало бы четко понять посредством приказов, что жизнь советских военнопленных и гражданских лиц не имеет для генералитета никакой цены. Так называемый «Приказ о проведении «Барбароссы» предусматривал полное порабощение мирного населения и преследовал цель жесткого уничтожения любых очагов сопротивления, что приводило к казням десятков тысяч человек. «Приказ о комиссарах» требовал от армии установление комиссаров среди пленных Красной Армии и их расстрел. Несмотря на утверждение некоторых бывших солдат, установлено, что этот приказ применялся летом-осенью 1941 года практически повсеместно. Лишь в мае 1942 года он был отменен под воздействием командующих фронтов, так как информация о расстрелах лишь значительно усилила боеспособность Красной Армии.

Нарушению международного права способствовал тот факт, что СССР к июню 1941 года не ратифицировал Женевскую конвенцию о военнопленных (1929) и однозначно не признал применение Гаагских правил ведения сухопутной войны (1907). Германское руководство использовало пропагандистский тезис о том, что Германия не имеет международно-правовых обязательств в отношении СССР. Данный аргумент нелегитимен, так как система международного права обязывала обе стороны соблюдать основы интернациональных правил ведения боевых действий. Это предусматривало защиту жизни пленного, человеческого обращения с ним, а также равного с немецкой армией снабжения пленного одеждой, продовольствием и местом проживания. Кроме того, СССР, как и Германия, ратифицировал Женевскую конвенцию о правах раненных (1929). Таким образом, обе стороны имели определенные обязательства, но они сознательно игнорировались немецкой стороной. Германия не желала придерживаться каких-либо ограничений ни в методике ведения войны, ни в обращении с пленными, ни в политике, проводимой на оккупированных территориях.

Издавая упомянутые приказы, военное командование сознательно понижало «моральный порог восприятия» немецкого солдата. Этому способствовало и распространение пропагандой образа врага как «недочеловека». Все эти факторы привели к тому, что спустя всего лишь несколько дней после 22 июня в войсках стала господствовать невиданная степень готовности к насилию. Приказы об обращении с военнопленными, подкрепленные нацистской идеологией, вносили в это дополнительный вклад. В одной из инструкций говорилось о том, что «большевистский солдат» в виду своей опасности, «потерял любое право на обращение с ним как с солдатом, пользующимся уважением.» Распоряжения требовали «действий без сомнения». В центральном приказе от 8 сентября 1941 года генерал Герман Райнеке, ответственный за систему обращения с пленными в Германии, утверждал, что «применение оружия с этими пленными крайне рекомендуется, исходя из причин дисциплинарного характера. Тот, кто в ходе выполнения данного приказа не применяет оружия либо применяет его недостаточно энергично, будет подвергнут наказанию. Военнопленные, совершающие побег, должны быть застреляны немедленно и без всякого предупредительного окрика. Предупредительных выстрелов производить нельзя. (...) Применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается

правомочным.» Фактически это было понятным посланием немецким солдатам, разрешением убивать. И многие солдаты истолковали его именно таким образом.

Против нарушения традиционных постулатов, призывавших гуманно обращаться с беззащитными военнопленными, редко звучали голоса протеста. Как правило, это были солдаты и офицеры низшего звена. О протестах на уровне верховного командования или командующих армиями ничего неизвестно. Одной из наиболее значимых попыток облегчить участь советских военнопленных в немецком плену была беседа уже упомянутого графа Мольтке с адмиралом Канарисом, руководителем Абвера. Под воздействием Мольтке Канарис обратился к фельдмаршалу Кейтелю, шефу ОКВ, с просьбой отметить приказ Райнеке от 8 сентября. Кейтель ответил категорическим отказом: «Ваши сомнения соответствуют солдатским представлениям о «рыцарской» войне. В данном случае речь идет об уничтожении мировоззрения! Поэтому я целиком и полностью поддерживаю указанные меры». Протест Канариса и ответ Кейтеля были связаны с процессом систематизации убийств советских военнопленных. К тому моменту вермахт стал элементом системы массового уничтожения. И дело тут было не только в расстрелах комиссаров. В середине июля 1941 года ОКВ заключило соглашение с Рейнгардом Гейдрихом, расширяющее полномочия «Приказа о комиссарах». Отныне «айнзатцкоманды» сипо и СД должны были выявлять среди военнопленных «политически неблагонадежные личности» и отправлять их для дальнейшего убийства. Таким образом, число потенциальных (а впоследствии и реальных) жертв резко возросло. К ним теперь относились не только функционеры ВКП (б), но и другие группы пленных, в том числе «все евреи». По оценочным сведениям, количество убитых советских военнопленных, признанных «политически неблагонадежными», достигало 140.000 человек. Можно четко проследить взаимосвязь между массовыми убийствами советских военнопленных и геноцидом евреев. Еще до принятия материалов об «окончательном решении еврейского вопроса» все евреи в советской военной форме были обречены на смерть. Но есть и более глубокие связи. Методики массового уничтожения евреев в ходе Холокоста были первоначально «испытаны» на советских военнопленных. В концлагере Освенцим был применен газ «Циклон Б», в результате действия которого погибло 600 советских военнопленных из числа «неблагонадежных». Жертвами последующих случаев применения газа стали 900 пленных военнослужащих Красной Армии. В 1942 году жертвами газовых камер стали евреи.

В конце 1941 года германское руководство приняло решение, которое, казалось бы, явило собой поворот в процессе обращения с пленными красноармейцами. В связи с фатальным недостатком рабочей силы в военной промышленности, который после провала концепции «блицкрига» невозможно было компенсировать за счет демобилизации солдат, значительное число советских военнопленных должны были стать заменителем немецкой рабочей силы. Даже Гитлер заявил, что для успеха данного начинания требуется «соответствующее питания пленных». Но последующие события показали, что нацистская верхушка не готова пойти на ухудшение снабжения продовольствием немецкого населения. Рацион военнопленных был увеличен, но по-прежнему находился ниже уровня, необходимого для жизнедеятельности. Не раз отмечалось решающая разница между положением советских военнопленных и немецкого населения в Германии и немецких военнопленных в СССР. Немецкие военнопленные голодали вместе с гражданским населением Советского Союза, в то время как улучшение снабжения продовольствием германского населения производилось за счет советских военнопленных.

Тем не менее интерес к военнопленным в качестве рабочей силы, возникший в конце 1941 года, в весне 1942 года привел к сокращению смертности и органичению массовых расстрелов. Однако, расстрелы больших групп советских военнопленных не прекратились. На уровне руководства сухопутных войск Германии и части высшего командного состава армий на Восточном фронте с середины 1942 года стало намечаться определенное изменение мышления. Новые приказы ОКХ, переданные в армию, подчеркивали необходимость

сохранения жизни военнопленных и их способности работать. Решающим тут были не гуманитарные соображения, а практическая мотивация. С одной стороны, система обращения с пленными красноармейцами была наиболее важным фактором значительного повышения боеспособности Красной Армии. С другой стороны, присутствовало понимание того факта, что привлечение пленных к труду – это единственная возможность компенсировать недостаток рабочей силы в Германии. Однако, условия труда, на которые были обречены советские военнопленные, не позволяли уровню смертности даже приблизиться к «нормальному» уровню, «типичному» для смертности солдат во вражеском плену. В конце 1943 года смертность снова возросла. Значительное количество военнопленных скончалось от последствий заболеваний, таких как туберкулез. В апреле 1945 года в некоторых лагерях вновь фиксировалось до 100 умерших в сутки.

Несомненно были солдаты, которые старались гуманно относиться к пленным. Документы дают об этом представление, правда, косвенное. Уже в июле 1941 года фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий Сухопутных сил, критиковал тот факт, что против мирного населения и военнопленных «не повсеместно применяется необходимая жесткость». Аналогичные замечания есть и в других источниках. Генерал Вагнер, генералквартирмейстер Сухопутных сил Германии защищал политику уничтожения голодом в отношении советских военнопленных. Фельдмаршала фон Рейхенау, командующий 6-ой армией, критиковал снабжение продовольствием мирных жителей и военнопленных, не находившихся на службе вермахта, называя этот шаг «ошибочно истолкованной человечностью». Оригиналы документов подтверждают усилия командования вермахта, Сухопутных сил и армий на Восточном фронте, т.е. всего вермахта как армейского института, по подавлению любого сопротивления такой тактике уничтожения. Солдаты, готовые проявлять гуманизм, однозначно находились в меньшинстве, и могли действовать только в тех местах, где были их единомышленники. На уровне руководства вермахта таковых не было, на уровне высшего командного состава действующих армий – за редким исключением, также.

Если на Западе пребывание в плену воспринималось как тяжелая доля солдата, вызывающая сочувствие, в СССР плен был позором. Советские военнопленные воспринимались в качестве трусливых предателей. Уже в августе 1941 года они были объявлены в приказе Сталина номер 270 дезертирами. Семьи офицеров были арестованы. Семьи рядовых солдат были лишены права на государственную помощь. Военнопленные, которые были освобождены или которым удалось совершить побег, имели «привилегию» в лучшем случае быть зачисленными в штрафные батальоны, стать «пушчным мясом», чтобы «искупить вину кровью». В мае 1945 года были созданы 100 «фильтрационных лагерей», каждый для 1.000 человек. Согласно новым российским исследованиям, «практический каждый репатриант мужского пола старше 16 лет, военнопленный или гражданское лицо, в той или иной форме был привлечен к принудительному труду. Все эти люди, а также женщины и дети, были зарегистрированы в списках НКВД. Это означало для репатриантов, а также членов их семей запреты на некоторые профессии, а также проживание в определенных населенных пунктах. В ходе десталинизации были реабилитированы бывшие военнопленные, приговоренные к заключению в лагерях. Что примечательно, они были реабилитированы лишь спустя месяцы после бывших коллаборантов, которые совершали преступления, например, в рядах вспомогательной полиции. Но и позднее бывшие советские военнопленные подвергались дискриминации в обществе. В период «гласности» в 1987 году начался процесс полной реабилитации бывших пленных, завершившийся, несмотря на сопротивление, указом Ельцина от 24 января 1995 года. Однако, пострадавшие так и не получили особых привилегий. Насколько тяжелы были страдания бывших военнопленных после освобождения, показывает статистика: в 1998 году только 1% от освобожденных бывших военнопленных оставался в живых, в то время как среди других участников войны этот показатель составлял 10%.

Советские военнопленные были вначале жертвами нацистской политики, которая

предусматривала в войне против СССР сознательное нарушение международного права, а затем пострадавшими со стороны собственного государства, которое цинично игнорировало их страдания, последствия которых ветераны ощущают и сегодня.

Др. Кристиан Штрайт – немецкий историк, автор труда «Они не товарищи» (1978), первой отдельной монографии о советских военнопленных в ФРГ.